

Э. А. Гордиенко

ХОРЫ, НАРТЕКС, КРЕЩАЛЬНЯ, ПРИДЕЛ В СИСТЕМЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ И В ОБИХОДЕ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА

В современной историографии утвердилось суждение о предназначении храмовых хор как о месте, где, участвуя в службе буквально на ином пространственном, небесном, уровне, византийский император и его ближайшее окружение, русский князь и его семья принимали причастие [Брунов; Раппопорт, 1993, с. 34; Штендер, Сивак, с. 294–295; Седов, 2005а, с. 51, 52; Седов, 2005б, с. 67, 71, 80; Штендер, 2014, с. 572–573]. Между тем С. В. Заграевский, с мнением которого следует согласиться, утверждает, что хоры, как дополнительные, универсальные помещения, расширяли полезную площадь храма и, являясь самодостаточным архитектурным феноменом, использовались в самых различных целях [Заграевский, с. 4, 6, 8, 9].

Чтобы уяснить происхождение и роль хор, других компартиментов в конструктивной системе церковного здания, необходимо уяснить их роль в системе христианской дисциплины. С этой целью обратимся к трудам русских историков-литургистов, раскрывающих назначение отдельных частей храма, где для каждого из трех разрядов — клириков, верных и оглашенных — было определено свое место, и, соответственно, пространство храма делилось на три части. Это алтарь, знаменующий «горний мир, превыспреннее небо, где обитает Бог в неприступном свете»; укрытая небесным куполом середина храма, собственно церковь, «царство Христа на земле, состоящее из верующих в Него», и притвор (нартекс), «в котором люди духовно воспитываются и готовятся для вступления в царство благодатное» [Никольский, с. 3–29]. Функция этих отделов разъяснена в правилах церковного устава, однако сведения о месте и назначении хор в них отсутствуют.

Ссылаясь на 12-е правило св. Григория Чудотворца, правила Василия Великого и на описание Тирской базилики епископа Евсевия Эмесского, Н. Ф. Красносельцев подчеркивал, что «притвор или нарфик, назначенный для стояния в нем слушающих, которым было дозволено присутствовать при богослужении... должен был находиться внутри дверей храма и не отделялся от средней его части плотной стеной с запертыми дверями. В противном случае здесь не были бы слышны ни чтение писания, ни проповедь; между тем стоящие здесь кающиеся имели право слышать и то и другое... Таким образом, нарфик, находясь внутри стен и дверей храма, составлял иногда как бы особое отделение его средней части, так как с этою последнею находился в большей связи, чем с притвором внешним» [Красносельцев, с. 319–322].

В нартексе, где пребывали ожидающие крещения оглашенные, традиционно изображался Страшный суд. Слушая во время великопостных служб покаянные каноны Андрея Критского

и Марии Египетской, стихиры Страшного суда, созерцая представленные на стенах мучения и наказания грешников, человек воспринимал плач покаянной души в свое назидание, обретая в сердечной молитве надежду на искупление и духовное преображение [Голубцов, с. 151–153; Никольский, с. 584, 593, 597–598; Тамаркина, Лосева]. Путь к Богу он видел в праведниках, предстоящих одесную Христа, идущих за апостолом Петром к вратам рая, в Лоно Авраамово. В церкви Спаса на Нередице на южной стене в западной стороне нартекса находилось изображение князя Ярослава Владимировича (1182–1184, 1187–1196, 1198–1199 г.)¹. Вручая Христу построенный им храм, он увековечивал память о себе как об одном из добродетельных праведников [Пивоварова, с. 18–19, Окунев; Сычев, Мясоедов, Чертеж V, I, 31; LVI, I]. Здесь же в аркасолии предполагалось захоронение князя, что отвечало назначению нартекса и как места поминовения усопших.

Кроме того, в нартексе совершались часы, лития на вечерне, повечерие, полунощница, молебные пения при крестных ходах и разные чины на освящение жизненных дел, например на благословение воинских знамен, корабля, кладезя или пчелиного роя [Никольский, с. 98, 224–226, 349, 765–775, 834–845].

В больших храмах к внутреннему нартексу примыкал внешний нартекс (экзонартекс), где, согласно правилам древней церкви, стояли грешники, несущие тяжкий образ покаяния. Сюда же перед началом литургии верных должны были выходить и те, кто слушал литургию оглашенных во внутреннем нартексе [Никольский, с. 28–29].

В соответствии с этими правилами церковного устава, христианский храм по определению не мог существовать без нартекса. В этой связи кажутся некорректными принятые для четырехстолпного храма понятия: «храм без нартекса», «сокращенный тип храма» — или, как равноценное нартексу, — «западный неф» [Пивоварова, с. 19, 80, 85, 86; Асеев, с. 86, 110, 124; Седов, 2005а, с. 42; Седов, 2005б, с. 67; Штендер, 2014, с. 574], а для пятинефных храмов — отсутствие и даже исчезновение нартексов, роль которых как будто выполняли галереи [Штендер, 2014, с. 574–575, 587].

В первых русских храмах: Десятиной церкви в Киеве, Софийских соборах в Киеве, Новгороде и Полоцке — внутренний и внешний нартексы не выделены [Раппопорт, 1993, с. 31, рис. А, С; с. 33, рис. А, Б, В]. В больших новгородских храмах: Благовещения на Городище (1103 г.), Никольском соборе на Ярославовом дворе (1113 г.), Георгиевском в Юрьевом монастыре (1119–1130 г.) и в церкви Бориса и Глеба в кремле (1167–1173 г.) — отделение внешнего нартекса в большинстве своем ограничивается выступающими лопатками столбов и стен [Великий Новгород, с. 483–484, 494, 520; Архитектурное наследие, с. 593, Приложение 1, № 4, 5, 8, 10, 25]. Вместе с тем в соборах Иоанна Предтечи на Торгу и Рождества Богородицы в Антониевом монастыре невыделенные нартексы открыты в храм [Архитектурное наследие, с. 205, 232]. В этом случае западная часть храма не была полностью изолирована, и проходы в центральный неф позволяли следить за течением службы и воспринимать соответствующие указания к действию.

Одним из выразительных примеров этого устройства была четырехстолпная церковь Спаса на Нередице (1198 г.), в которой невыделенный нартекс по длине превышал алтарное пространство и, открываясь в среднюю часть храма, объединял служителей, княжескую семью и прихожан² [Булкин, 2005]. Система эта сохранялась довольно долго, и наглядным примером служит ровесница Нередицы, церковь Ильи Пророка на Славне («на Холме»), основанная неким Еревшей в 1198–1202 г. В 1455 г. храм был перестроен в старых формах, но, за исключением

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М., 1950. С. 37, 39, 43–44, 227–229, 236, 238–244.

² Там же. С. 44.

наружных пристроек, сохранил в своем облике «нарочитый архаизм» [Великий Новгород, с. 479, 482, 493, 497, 500, 516, 520, 530; Кузьмина, Филиппова].

Первым и главным назначением нартекса оставался совершаемый в нем, следовавший после положенных 40 дней научения вере чин крещения [Никольский, с. 28–29]. Создание этой сложной и продолжительной процедуры восходит к чину константинопольского Евхология X в. [Дмитриевский, 1883; Алмазов, с. 101]. В 988 г. по его правилам первым на Руси крестился великий князь Владимир Святославич [Аранц-и-Лорнецио], провозгласивший христианство государственной религией.

В зависимости от категории храма в новгородских храмах чин крещения мог совершаться по-разному (о крестильницах в храмах см.: [Красносельцев, с. 336–342]). В Софийском соборе, вероятно, была отдельная крестильница. Г. М. Штендер предполагал, что первоначально она могла находиться в приделе Иоанна Предтечи, где, как правило, располагались обусловленные ритуалом баптистерия, и позднее она была перенесена в придел Первомученика Стефана [Раппопорт, 1982а, с. 24, 120; Штендер, 1982, с. 25; Штендер, 2014, с. 562]. Однако софийская крестильница, как и во многих византийских храмах [Путешествие новгородского архиепископа Антония, с. 92–93; Беляев, 1892, с. 96–97; Mainstone, p. 114, 120–122, 123, 135, 226, Fig. 20, 22, 140–141, Appendix: Plans: A2–4, p. 271–273], располагалась, вероятно, в западной части южной галереи и сообщалась с нартексом через проход в лестничной башне [Штендер, 1982, с. 20, рис. 23А (план первого этажа: реконструкция Штендера 1950 г.)]. Просторное, светлое помещение, на южной стене которого находилось окно, вполне отвечало назначению баптистерия.

В 1411 г. архиепископ Иоанн пристроил к южной паперти Софийского собора придел Исповедников Гурия, Самона и Авива³ [Макарий, ч. 1, с. 47–48; Коваленко, с. 184–186]. В 1435–1437 г. по велению архиепископа Евфимия «**во Владычне дворе, на воротех** (здесь и далее — выделено нами. — Э. Г.)» была поставлена и расписана церковь Иоанна Златоуста⁴. В 1459 г. «над Исповедники у святей Софьи на углу возвыше» архиепископ Иона поставил церковь, «побиенную... досками свинцовыми чюдно»⁵. В 1466 г. «**на своем дворе**» владыка «своима рукама» построил церковь Богоявления⁶ [Тихомиров, с. 316]. В 1671 г. митрополит Питирим разрушил к тому времени обветшавший храм и поставил церковь Богоявления «...**вновь на вратех**, что подле соборной церкви **на владычне дворе** и подле церкви Иоанна Златоустаго...»⁷. В 1775 г., при митрополите Гаврииле, на месте Богоявленской церкви поставили церковь Трех святителей, переименованную вскоре в Благовещенскую. После пожара в 1805 г. она была возобновлена при митрополите Амвросии [Гордиенко, 1995, с. 239–240; Великий Новгород, с. 519–520].

Несколько разноречивые летописные статьи, с указаниями места — «на вратех», «на владычне дворе» — воссоздают историю надвратной церкви Богоявления, сообщавшейся с верхней южной софийской галереей и с приделом Исповедников, а позднее и с церковью Иоанна Златоуста. В нижнем отделении этого комплекса, возможно, изначально находился соборный баптистерий, единственное устройство такого рода в истории новгородской архитектуры [Гордиенко, 1995, с. 230].

В ходе ремонтно-реставрационных работ в 1945–1946 г. на южной стене придела Гурия, Самона и Авива, к востоку от Исповеднических ворот обнаружены фрагменты церкви Богоявления 1671 г.: орнамент с лентой «бегунца» и за двойной колонной XVIII в. окно с

³ Там же. С. 403; ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. С. 411.

⁴ НПЛ. С. 418–419.

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 16. Стб. 199.

⁶ Новгородские летописи (далее — НЛ). СПб., 1879. С. 162.

⁷ Там же.

килевидным кирпичным резным наличником [Давыдов, с. 64] (окно за двойной колонной видно и сейчас).

Крещальни, примыкавшие к нартексу как с южной, так и с северной стороны, были в Черниговском Спасском соборе (1036 г.), Успенском соборе Печерского монастыря (1073—1075 г.), соборе Михаила Архангела в Киеве (1108—1113 г.). В церкви Спаса на Берестове (1138) крещальня вместе с лестничной башней настолько расширяли нартекс, что он значительно выступал к северу и югу из основного объема здания [Раппопорт, 1982а, табл. 3, № 55; табл. 4, № 33, 18; табл. 6, № 63; Штендер, 2014, с. 573; Архитектурное наследие, Приложение 8. № 1. 5, 6].

В Никольском соборе на Ярославовом дворище (1113 г.), древнейшем каменном храме на Торговой стороне, в северной стороне внешнего нартекса на восточной стене, возле образов рая были вырублены две ниши, где, видимо, содержалась утварь, необходимая для проведения обряда крещения [Царевская, с. 440, 443, 451]. Свообразие и размеры этого замкнутого компартимента свидетельствуют, что в нем крестили немногих избранных, возможно, детей княжеской семьи.

В четырехстолпных новгородских храмах XII—XV в., по преимуществу приходских, были допустимы сокращения и упрощения ритуала. К тому времени среди нуждавшихся в крещении прихожан в основном оставались дети, родители которых уже в нескольких поколениях были христианами. Для семейного крещения в нартексах приходских храмов устанавливались купели, а за оглашение младенца отвечали восприемники, поручавшиеся за веру крещаемого [Никольский, с. 661].

Крещальни имелись не во всех храмах, и одним из них был собор Иоанна Предтечи на Петрятине дворе или на Опоках, поставленный в 1127—1130 г. князем Всеволодом Мстиславичем «во имя сына своего»⁸. В 1184 г. архиепископ Иоанн обновил храм. Тогда западная стена была перенесена на 1,4 м к западу, что значительно расширило неизолированный внешний нартекс [Раппопорт, 1982а, с. 65—81; Раппопорт, 1982б, с. 191—912; Архитектурное наследие, с. 204—206, Приложение 1. № 11, 30]. Структура нартексов в данном случае, вероятно, была обусловлена статусом храма «на Торгу», являвшегося соборным центром купеческой корпорации, «Иванького сто» [Великий Новгород, с. 188—189]. Принципы этой организации отражены в Рукописании князя Всеволода⁹ [Гиппиус]¹⁰, действовавшем по ряду пунктов до XVII в. В соборе издревле хранилась казна купеческого объединения, орудия мер и весов, дорогие товары, и для этих целей были необходимы помещения, которыми могли служить нартексы. В использовании этих помещений отразилась особая, исторически обусловленная роль собора Иоанна Предтечи. По Рукописанию и Уставной грамоте новгородского князя Всеволода полагалось «...весъ весити в притворе святаго Ивана, где дано, ту его и держати...»¹¹. В XVI—XVII в. западная часть храма и вновь устроенное обширное поддверковье были основательно включены в торговые операции. Взвешивание теперь проводилось в поддверковье, от которого собор получал большие доходы, а священнослужители имели около 100 рублей серебром от «поддверковых кладовых»¹². День Рождества Иоанна Предтечи праздновался в соборе торжественно по архиерейскому чиновнику, святитель сам служил литургию, архиерейская служба совершалась в соборе и в честь архиепископа Ионы Отенского [Макарий, ч. 1, с. 120—121]. Но не исключено, что обряд крещения в соборе был сокращен, если не упразднен, и в случае необходимости это таинство могло совершаться в одном из располагавшихся поблизости больших храмов.

⁸ НПЛ. С. 21, 206; НЛ. С. 274.

⁹ НПЛ. С. 508—509, 558—559.

¹⁰ См. там же библиографию по вопросу.

¹¹ Там же. С. 508.

¹² Таможенная грамота о сборе пошлин на Торговой стороне в Государевой опричнине. 1571 // ААЭ. СПб., 1841. Стб. 320—324.

Выполняя установленную правилом богослужебную функцию, нартексы представляли собой важнейшую часть опорной конструкции храма, над которой возводились галереи той же высоты, что и над боковыми нефами [Красносельцев, с. 322; Штендер, 2014, с. 571]. Понятие «хоры», отсутствующее в контексте богослужебного ритуала, возникает значительно позднее как архитектурный термин, означая верхнюю открытую галерею или балкон внутри церкви. В летописях эта часть храма называется полатами, где размещались ризницы для хранения церковных ценностей, тайники для содержания казны и отделения для рукописных и старопечатных книг¹³ [Макарий, ч. 1, с. 27, 44, 56, 260–261, 291, 294, 299–300, 306, 312, 330, 338, 340, 344, 378, 379, 412, 490, 501, 538, 554, 574–575, 583; ч. 2, с. 62; Янин; Круговых; Седов, 2005а; Седов, 2005б].

На полатах и в нижних галереях издревле устраивались приделы, представлявшие собой самостоятельные церкви со своим престолом, где совершались службы, соответствующие храмовому посвящению. В Новгороде древнейший придел пророка Захарии располагался на хорах собора Иоанна Предтечи на Опоках (1127–1130 г.). Порядок храмовой службы в нем определен в Рукописании и в Уставной грамоте князя Всеволода, где сказано: «А попом пети у святого Ивана вседенная, у святого Захария на полатах пети по неделям и в веки, а дьякону пети у святого Ивана субота да неделя, из(с) того оброка, и в веки (век)»¹⁴ [Макарий, ч. 1, с. 299–300]. В церкви Благовещения на Мячине на полатах находился «храм Феодор Студит» [Анкудинов, с. 374]. Посвящение его было связано с написанием в 1170-х годах служебного Студийского устава для этого монастыря [Сводный каталог, с. 159–161], по которому в приделе совершалась отдельная служба [Макарий, ч. 1, с. 534; Горский, Невоструев, с. 259; Пентковский, с. 178, 182–184, 198–200]. Небольшой придел с апсидным выступом на южной стороне хор в Нередичской церкви [Седов, 2000, с. 42–46; рис. 2, 1, 3–5] и особый компартимент в виде кельи с лежанкой у северной стены были, видимо, собственными помещениями князя, где Ярослав Владимирович проводил молитвенные часы [Пивоварова, с. 202, чертеж 10] и где мог оставаться на ночь, что было предусмотрено церковным правилом [Беляев, 1892, с. 129].

Литургия, великопостные службы, панихиды у захоронений в придельных храмах совершались по уставу. Информация о функции приделов в новгородских храмах содержится в Чиновнике Софийского собора 1635 г. ([Голубцов, с. 19–23, 28, 35, 39–43, 50, 51, 54–55, 73, 96–99, 103, 104, 112, 113, 115, 119, 130, 141, 146–148, 150, 160–161, 166–167, 181, 202, 236–238, 262]; см. также: [Янин, с. 108–119; Круговых, с. 164–168]). Вместе с тем устройство приделов в храмах было необязательно и в большинстве своем было обусловлено историческим событием или частной инициативой и представляло собой особый вид храмового приношения.

В 1127 г. игумен Антоний «обложи трапезиду»¹⁵, то есть пристроил ее к нартексу четырехстолпного храма. «Обложить» в древнерусском языке, наряду с другими толкованиями, означало «поставить вокруг»¹⁶. В. Д. Сарабьянов не связывает сообщение летописи с соборной трапезной, полагая, что, как отдельное здание, она располагалась где-то в монастыре и позднее была уничтожена [Сарабьянов, с. 555–556]. Однако самостоятельным зданием скорее была поварница, в которой готовилась пища, и в соответствии со своим назначением она не могла быть частью храмовой конструкции [Пентковский, с. 380]. В данном случае устройство представляло собой внешний невыделенный нартекс с «сенями» (хорами) наверху, и ход на них осуществлялся через круглую лестничную башню [Штендер, Ковалева; Булкин, 2002].

¹³ НПА. С. 17; ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 598–599. См. также: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. СПб., 1890. Т. I. Стб. 1123–1124.

¹⁴ НПА. С. 508–509.

¹⁵ Там же. С. 21, 206.

¹⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. СПб., 1895. Т. II. Стб. 526; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 83.

В монастырских храмах притвор (нартекс), где обедали иноки, назывался «трапезою» [Никольский, с. 29]. Трапеза монашествующих нередко совершалась и на верхнем этаже нартекса¹⁷. В церковном уставе церкви Благовещения на Мячине (ГИМ. Синодальное собрание. № 330) имеются записи о поминальных обедах «на синях» [Сводный каталог, с. 160; Горский, Невоструев, с. 238; Голубинский, с. 583–584; Пентковский, с. 371–373, 378–379]. Подобным образом в указанные правилом дни могли использоваться сени и в Георгиевском соборе Юрьева монастыря (1119–1140 г.).

Обращаясь к вопросу о местонахождении византийского царя или русского князя на хорах во время богослужения, отметим, что присутствие его в храме полностью зависело от правил совершения церковных служб в соответствии с отведенными компартаментами [Беляев, 1892].

При Феодосии Великом (379–395) христианские императоры во время службы стояли в самом алтаре и оставались там до причастия Святых таин. Но после столкновения с Амвросием Медиоланским цари переместились на солею, а затем и в особое помещение близ алтаря [Беляев, 1892, с. 102, 118, 134, 168, 238, 246–249, 256; Беляев, 1906, с. 123, 133, 160–161; Дмитриевский, 1907, с. 166, 173–174]. Порядок присутствия царей на литургии был детально разработан и регламентирован с принятием Придворного Устава Константина Багрянородного (913–959), согласно которому дополнительную часть храма составляли верхние и нижние катихумении (галереи), где располагались собственные палаты, мутатории императора и патриарха [Беляев, 1892, с. 50, 102, 118, 134, 168, 238, 246–249, 256, примеч. 2; с. 127–128, примеч. 2; с. 129, примеч. 1, 2; с. 130, примеч. 1; с. 131, 134, примеч. 2; Дмитриевский, 1907, с. 166, 173–174]. С северной стороны в верхних и нижних катихумениях находились гинэкониты, помещения для женщин [Беляев, 1893б, с. 134–140, 238, 245–249, 256; Беляев, 1906, с. 123, 124, 160–161].

В Софийском соборе в первую и третью недели Великого Поста, Торжества Православия и Крестовоздвижения император слушал Евангелие и ектенью в своем верхнем мутатории на южном катихумении [Беляев, 1893б, с. 134–135]. В эти дни император не спускался к алтарю и по окончании литургии шел в патриарший мутаторий, куда приходил патриарх и приглашал императора к себе на завтрак в Большую патриаршую палату, располагавшуюся с южной стороны собора [Беляев, 1892, с. 373; Беляев, 1893а, с. 139–140, 173–174; Беляев, 1906, с. 134–135].

В Халкопратийском храме царь слушал литургию в своем мутатории в верхнем катихумении, куда после литургии приносили чашу со Святыми дарами и ставили их на особый антиминс. После приобщения Святым дарам царь шел в свой мутаторий, где ждал сановников, а затем выходил из мутатории и прощался с патриархом, который уходил заканчивать литургию [Беляев, 1892, с. 174, примеч. 1; Беляев, 1906, с. 123–124, 160–161].

В храме Апостолов царь слушал литургию в верхнем катихумении, где в центре западной галереи ставили царский антиминс со Святыми дарами для причащения царя и высших чинов. Ко времени причащения таин посылали за патриархом, который поднимался, приобщал царя и сановников и уходил завершать литургию в алтарь. Царь возвращался на свое место, достаивал литургию и по окончании в сопровождении чинов кувуклия и военной свиты уходил в находившийся вблизи храма Апостолов Большой дворец, где ждал патриарха, и после небольшого отдыха приглашал всех к большому столу [Беляев, 1892, с. 238].

В эти дни царь шествовал не через парадные залы, а по переходам, ведущим к юго-восточному углу храма св. Софии, в сопровождении только ближайшей своей свиты, и эти малые выходы происходили «просто, не парадно и не торжественно» [Дмитриевский, 1907, с. 168].

¹⁷ ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 314, 369; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 586.

Торжественные выходы совершались в святую Софию в великие Господские праздники. Во время пасхальной литургии царь находился близ алтаря в юго-восточной части Софийского собора, в своем нижнем мутатории, где стоял или сидел невидимо для публики, но сам все видел и слышал [Беляев, 1892, с. 127–132]. В одних отделениях этого весьма обширного помещения царь молился, в других — переодевался, в третьих — завтракал. К моменту перенесения Святых даров на престол царь облачался в хламиду и шел с чинами на правую сторону храма за амвон, где у царских врат уже стояли вышедшие из алтаря священнослужители со Святыми дарами. Святые врата в это время были открыты, там, ожидая Святые дары, находился патриарх, приветствовавший царя поклоном. После завершения церемонии внесения Святых даров царь возвращался в мутаторий, снимал мантию и хламиду и продолжал слушать литургию. С началом следующего действия патриарх возвещал императору о ходе службы, и тогда царь вновь облачался в хламиду и в сопровождении чинов шел из мутатория на солею, где останавливался у алтарной преграды. После целования царь вновь уходил в мутаторий, снимал хламиду и слушал литургию до наступления приобщения Святых таин. По совершении таинства евхаристии и приобщении в алтаре священнослужителей патриарх сообщал императору, что пора выходить для принятия Святых таин. Царя вновь облачали в хламиду, затем в сопровождении чинов он выходил из мутатория, шел на солею и у правой стороны останавливался перед алтарем у царского антимиаса, на который патриарх ставил дискос и чашу. Приобщившись Святым дарам, царь в том же сопровождении возвращался в мутаторий [Беляев, 1892, с. 163–177].

Опустив многие подробности византийского ритуала (целования, поклоны), можно понять, могло ли в великие праздники подобное действие совершаться в новгородском Софийском соборе, где, если следовать принятому мнению, князь с дружиной во время богослужения находился на хорах и, согласно уставу, должен был несколько раз переодеться, подняться и спуститься по высокой с долгим ходом лестнице.

В русском православном ритуале XI в., видимо, был воспринят древний обычай стояния князя перед алтарем вместе с дружиной, семьей и в то время немногочисленными новгородскими христианами. Такое совместное служение представлено на иконах «Воздвижение креста», на которых князь изображен «среди народа, как отец с детьми». Таблетка из Софийского собора около 1460 г. представляет, может быть, наиболее ранний русский вариант этой иконографии [Лазарев, табл. III]. На праздничной иконе XVI в. из Рождественского придела в Софийском соборе поддерживаемый двумя святителями патриарх на амвоне воздвигает крест, по сторонам, в кивориях изображены царь и царица, внизу — церковные служители, вокруг которых теснится народ, все вместе — мужчины, женщины и дети [Гордиенко, 2001, с. 234, рис. 94]. Отдельные кивории, царское и святительское места в Софийском соборе появились в 1528, 1560–1570-х г. ¹⁸ [Никитина, с. 353], что, очевидно, было все-таки связано с возникавшими неудобствами для высокопоставленных персон, окружаемых возросшим числом верующих. Отдельные моленные места представляли собой внушительные сооружения, своеобразные мутатории, в которых царь слушал службу, а святитель в ряде случаев, согласно чину, совершал переодевания [Голубцов, с. 27–28, 239].

На южной стороне хор новгородского Софийского собора, как и в катихумении константинопольского собора, была палата, в которой князь, возможно, оставался во время литургии, когда не ходил к причастию. Очевидно, вся анфилада комнат южной галереи находилась в распоряжении князя [Штендер, 1977, рис. на с. 47; Штендер, Сивак, с. 294–295]. Примыкающая к замкнутому восточному компартименту палата, открытая в арочный проем галереи малого нефа, вероятно, и была собственным мутаторием, откуда князь слушал службу,

---

¹⁸ НЛ. С. 159.

наблюдая за действием в предалтарном пространстве. Два следующих компартиментов галереи составляли продолжение мутатория, где, согласно чинопоследованию, должны были оставаться сопровождавшие князя духовные чины, члены свиты и дружины.

Алтарное помещение в восточной стороне галереи могло использоваться для хранения одежд и предметов обихода, необходимых для переодевания, проведения собраний и приемов высоких чинов. Возможно, именно здесь, «на полатех», находилась первая ризница [Куприянов, Макарий, ч. 1, с. 27, 44, 56], где после набега на Новгород Всеслава Брючиславича в 1069 г. был обретен крест «Володимеров»¹⁹. На хорах константинопольской Софии также были исполненные «церковной красоты» ризничные палаты²⁰. В 912 г. послам князя Олега, призывая их к истинной вере, показывали хранившиеся там несметные сокровища²¹.

Большое, примыкавшее к лестничной башне помещение с западной стороны, вероятно, служило входной палатой, в которой после службы могли происходить собрания и приемы избранных членов свиты и дружины, получавших от князя благодарения и угощение.

Северная сторона хор представляла собой анфиладу помещений, разделенных, как и в южной галерее, поперечными стенками-диафрагмами. В результате возникших деформаций в XII в. они были усилены прикладками [Штендер, 1982, с. 13], значительно замкнувшими компартименты, придав им вид самостоятельных комнат. Восточное помещение по размеру оставалось таким же, как и параллельное ему в южной галерее, и, возможно, там находилась еще одна ризница. Во времена Ярослава Мудрого, князя Владимира и епископа Луки, когда не было других каменных зданий, на северной стороне верхних галерей расположились помещения для разных отраслей и нужд церковного обихода. Это были своего рода присутственные места для служащих владычной канцелярии. Должно быть, уже тогда здесь располагался скрипторий и началось формирование соборной книгохранильницы. Рукописные и старопечатные книги хранились там до начала XX в. [Куприянов; Макарий, ч. 1, с. 56]. Уходя в глубь отвлеченных предположений, можно представить здесь и класс для поповских детей, собранных Ярославом Мудрым, чтобы «учити их книгам»²².

В церкви Благовещения на Городище (1103 г.), в собственном княжеском храме ход наверх осуществлялся через лестничную башню, но едва ли во время литургии князь со своей семьей и дружиной несколько раз спускался с хор и поднимался на них вновь.

В Никольском соборе на Ярославовом дворище (1113 г.) князь с семьей и дружиной во время праздничного богослужения также не могли находиться на хорах. Чтобы совершить причастие, они должны были выйти через ход в западной части южной стены во дворец [Гладенко и др., с. 186; Архитектурное наследие, с. 194], спуститься и затем только войти в храм, где относительно продолжительное время их ожидали клир и верующие. Согласно правилам византийского церемониала, подобный порядок был недопустим, но в постные дни, когда князь не ходил к причастию, он мог оставаться на хорах, где слушал Евангелие и ектенью. В великие праздники князь вместе с дружиной и семьей во время службы стоял у алтаря рядом с горожанами [Гордиенко, 2013].

Хоры Никольского собора, сообщавшиеся с дворцовым домом, принадлежали князю. Там могли проходить заседания смесного суда и духовного синклита (что было принято в византийском обиходе) [Беляев, 1892, с. 139, примеч. 3], помещались канцелярия князя и книгохранильница. Лестничный ход был устроен позднее, когда стало очевидно функциональное неудобство изолированных хор, и лестница «вписалась» в основное пространство по примеру

¹⁹ ПСРЛ. Т. 4. С. 126.

²⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1123–1124.

²¹ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 20.

²² ПСРЛ. Т. 4. С. 113.

храма Архангела Михаила Выдубицкого монастыря (1070 г.) [Раппопорт, 1982а, с. 26–27, табл. 5, 35]. Переустройство храма, возможно, началось еще при Всеволоде Мстиславиче, когда в 1136 г. был поднят каменный пол [Архитектурное наследие, с. 194], и завершилось в 1138 г. при черниговском князе Святославе Ольговиче, и 5 декабря храм был освящен «великим священием» в канун зимнего дня святителя Николы, после чего князь без благословения епископа Нифонта венчался в соборе²³.

Можно представить, каким трудностям подвергалась бы церемония причастия таин в церкви Спаса Преображения на Нередице (1198), где на хоры ведет тесная, темная и крутая лестница с неровными ступенями, по которой не только со Святыми дарами, но и налегке подниматься весьма непросто.

Обзор письменных источников позволяет убедиться, что нартекс, как неотделимая часть храмовой конструкции, исполнял важнейшую функцию христианского ритуала. Тогда как хоры, приделы и даже крещальни были дополнительной и не всегда обязательной частью конструктивной системы древнерусского храма. Вместе с тем они демонстрировали возможности архитектурного опыта, расширяли масштаб религиозного ритуала, позволяя с наибольшей полнотой воплотить духовную мысль в художественных образах своей эпохи.

Литература

- Алмазов А. История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1884.
- Анкудинов И. Ю. Роспись новгородских церквей 1615 г. // НИС. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 367–382.
- Аранц-и-Лорнеццо М. Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. 1988. № 19, июнь. С. 77–99.
- Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. 2-е изд., исправл. и дополн. СПб., 2013.
- Асеев Ю. С. Архитектура древнего Киева. Киев, 1982.
- Беляев Д. Ф. Ежедневные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X веках // Записки Русского археологического общества. 1893. Т. VI. С. 1–278. [Беляев, 1893а]
- Беляев Д. Ф. Типик церкви св. Софии в Константинополе (XI в.). Экстраординарного профессора Императорского Новороссийского университета Н. Ф. Красносельцева. Одесса, 1892.
- Беляев Д. Ф. BYZANTINA: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям: Ежедневные воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX–X в. СПб., 1893. Кн. II. [Беляев, 1893б]
- Беляев Д. Ф. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям: Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. Посмертное издание. СПб., 1906. Кн. III.
- Брунов Н. Н. О хорах в древнерусском зодчестве // Труды секции теории и методологии (социологической) РАНИОН. М., 1928. С. 93–97.
- Булкин В. А. Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира: XII век. СПб., 2002. С. 270–288.
- Булкин В. А. Спасо-Преображенская церковь на Нередице и новгородская архитектурная школа XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 33–50.
- Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007.
- Гиппиус А. А. К истории текста церковного Устава Всеволода // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 163–173.
- Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород: К 1100-летию города. Сборник статей / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964. С. 183–264.
- Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1881. Т. 1. Период первый: Киевский или домонгольский. Вторая половина тома.
- Голубцов А. Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899.

---

²³ НПЛ. С. 24, 209.

- Гордиенко Э. А. Комментарий к Описи вотчинам новгородского архиеерея и церковной утвари 1763 г. // Гордиенко Э. А., Петрова Л. И. Опись вотчинам новгородского архиеерея и церковной утвари 1763 г.: Публикация и комментарий // НИС. СПб., 1995. Вып. 5 (15). С. 203–295.
- Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.
- Гордиенко Э. А. Никольский собор на Ярославовом дворище — памятник становления новгородской государственности // Новгородика-2012: У истоков российской государственности: Материалы IV Международной конференции. Великий Новгород, 2013. Ч. 1. С. 110–112.
- Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. III.
- Давыдов С. Н. Восстановление архитектурных памятников Новгорода в 1945–1949 годах // Практика реставрационных работ. Сборник первый. М., 1950. С. 55–79.
- Дмитриевский А. Богослужение в Русской церкви за первые пять веков // Православный собеседник. 1883. С. 345–374.
- Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие Типиконы: Святогробский, Иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви. Краткое библиографическое исследование. Киев, 1907.
- Заграевский С. В. О предназначении полатей (хор) в древнерусских храмах [Электронный ресурс]. URL: <http://zagraevsky.com/polaty.htm> (дата обращения: 20.03.2017).
- Коваленко О. Н. Ремонтно-реставрационные работы в Софийском соборе в 2004–2007 годах // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород, 2008. Вып. 3. С. 45–57.
- Красносельцев Н. Очерки из истории христианского храма. Казань, 1881. Вып. 1.
- Круговых Л. Н. История приделов Николо-Дворищенского собора // НИС. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 164–178.
- Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Ровесница церкви Спаса на Нередице (церковь Ильи-Пророка на Славне: история строительства и предварительные исследования) // НИС. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 83–94.
- Куприянов И. К. Исторический очерк Софийской библиотеки. СПб., 1857.
- Лазарев В. Н. Страницы из истории новгородской живописи: Двусторонние таблетки из Софийского собора в Новгороде. М., 1977.
- Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1–2.
- Никитина Ю. И. Резьба моленных мест в Новгородской Софии // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1986. Л., 1987. С. 350–363.
- Никольский К. Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907.
- Окунев Н. Л. Портреты королевских ктиторов в сербской церковной живописи // Byzantinoslavica. Praha, 1930. Roč. II. Sv. 1. P. 74–96.
- Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
- Пивоварова Н. В. Фрески Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб., 2002.
- Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / Изд. П. Савваитова. СПб., 1862.
- Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. [Раппопорт, 1982а]
- Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников новгородского зодчества // НИС. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 189–202. [Раппопорт, 1982б]
- Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.
- Сарабьянов В. Д. Собор Рождества Богоматери Антониева монастыря // Лифшиц М. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода конца XI – XII века. СПб., 2004. С. 531–773.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XII вв. М., 1984.
- Седов Вл. В. Княжеский заказ в архитектуре церкви Спаса-Преображения на Нередице // НИС. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 36–52.

- Седов Вл. В. Придел на хорах церкви Спаса на Нередице // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси: к 800-летию памятника. М., 2005. С. 51–66. [Седов, 2005а]
- Седов Вл. В. Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в. // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 67–82. [Седов, 2005б]
- Сычев Н., Мясоедов В. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925.
- Тамаркина И. В., Лосева О. В. Андрей Критский // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 368–369.
- Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1973.
- Царевская Т. Ю. Николо-Дворищенский собор // Лифшиц М. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода: конец XI – первая четверть XII века. СПб., 2004. С. 429–530.
- Штендер Г. М. Первичный замысел и последующие изменения галерей и лестничной башни Новгородской Софии // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 34–37.
- Штендер Г. М. К вопросу о галереях Софии Новгородской (по материалам археологического исследования северо-западной части здания) // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982. Вып. 2. С. 6–28.
- Штендер Г. М. Зодчество Великого Новгорода XI – первой трети XIII вв. // Архитектурное уфследие Великого Новгорода и Новгородской области. 2-е изд., исправл. и дополн. СПб., 2014. С. 272–278.
- Штендер Г. М., Ковалева В. М. О формировании древнего архитектурного облика Рождественского собора Антониева монастыря в Новгороде // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1982. Вып. 171. С. 54–60.
- Штендер Г. М., Сивак С. И. Архитектура интерьера новгородского Софийского собора и некоторые вопросы богослужения // Византиноведение: Литургия, архитектура и искусство византийского мира. Труды Санкт-Петербургского общества византийско-славянских исследований. СПб., 1995. Т. 1. С. 288–295.
- Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 108–117.
- Mainstone R. J. Hagia Sophia: Architecture, Structure and Liturgy of Justinians Great Church. London, 2001.